ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 796.01:572

С. З. Гончаров

КРЕАТИВНАЯ КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Аннотация. В статье обосновываются сущность и перспективность креативной культурной антропологии в контексте вопросов образования, экономики, труда и общественного богатства. Данная антропология может стать методологическим принципом устройства новой исторической модели общества: она исходит из универсальных возможностей человеческого рода, проистекающих из нравственных основ совместной жизни, из продуктивно-творческих сил целостной субъективности человека и из технологической мощи, в которой разумно соединяются цели, средства производства и созидательные силы природы. Автором обозначены возможные направления креативной культурной антропологии, которая ориентирует систему образования на воспитание культурной, нравственной, социально и профессионально компетентной личности, на наращивание творческого потенциала индивидуума, высокий социальный статус педагога, формы общения, просторные для самостоятельности отдельных лиц и коллективов, и на интеллектуально- и культуроемкий труд.

Утверждается необходимость всеобщего высшего образования, так как ограничение только эмпирическим уровнем подготовки, начальным профессиональным образованием означает резкое увеличение в экономике доли простого труда. Следствием этого являются интеллектуальная неоднородность в структуре совокупной деятельности, функциональная рассогласованность между простым и сложным уровнями труда, блокирование оперативного внедрения инновационных технологий в производстве и управлении, усиление социально-классовых различий до состояния враждебного противостояния, резкое ослабление конкурентной способности России.

Автор статьи делает вывод, что для благополучного сценария развития общества, первичным в нем должно стать социокультурное расширенное производство человека, а сфера образования должна обрести статус группы «А», сместив промышленное производство вещей в группу «Б».

Ключевые слова: креативная культурная антропология, универсальность человека, продуктивно-творческие силы, самостоятельность, виды

труда по степени сложности, ориентиры креативной культурной антропологии, формы общественного богатства.

Abstract. The paper looks at the essence and prospects of creative cultural anthropology in the context of education, economy, labor and social wealth. The anthropology in question can become the methodology principle for a new historical social model arrangement as it originates from the universal abilities of the human race, developed on the moral basis of joint existence; productive creative force of man's integral subjectivity; and technological power reasonably combining the goals, means of production and creative forces of nature. The author outlines the prospective development ways for cultural anthropology guiding the educational system - the anthropological society basis - with the aim of developing a cultured, moral, socially and professionally competent personality; enforcing individual creative potentials; guaranteeing high status of teachers; and providing social communication forms giving place to self-activity of individuals and groups, and intellectual and cultural work.

The author confirms the need for higher education available for everyone; otherwise, education, limited by the empirical level and primary vocational training, results in the rising portion of common labor in the national economy. The consequences lead to growing intellectual heterogeneity in the structure of aggregate activity; functional discord between the common and complex levels of labor; suspension of innovative technology implementation in production and management; aggravation of socio-cultural differences to the level of hostile opposition; abating competitiveness of Russia.

The author makes the conclusion that, for the beneficial scenario of society development, the main emphasize should be on the socio-cultural expanded reproduction of man; the educational sphere should receive the A-group status, leaving the B-group status to material production.

Index terms: creative cultural anthropology, human universality, productive creative forces, self-activity, labor complexity levels, guidelines of creative anthropology, forms of social wealth.

Прежде чем создавать новую модель социального устройства, необходимо выяснить, «какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху» [5, с. 623]. Ведь обновление общества осуществляется (должно осуществляться) в конечном счете ради обновления *образа человеческой жизни*. Преодоление крайностей материализма и идеализма возможно через реализацию людьми своей универсальной общественной природы – как в актах свободной самодеятельности, так и в комплексе

всех форм общения, общественных отношений [6, с. 123]. Прочитируем одно из самых сильных положений креативной антропологии К. Маркса: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданных универсальным обменом? <...> Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [8, с. 476]. В буржуазной экономике, продолжает К. Маркс, «это полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение», «как полное отчуждение», «как принесение самоцели в жертву некоторой совершенно внешней цели». Присваивая прибавочный продукт, капиталист присваивает рабочее время индивида. «Но *время* фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно – пространство его развития. И вместе с вторжением сюда капитала прибавочное рабочее время есть присвоение духовной и физической жизни рабочего» [10, с. 517].

К. Маркс понимал самодеятельность как атрибут, связывая перспективу общества с универсальностью. Установка на производство прибыли (максимум прибыли – минимум совести), на сведение социальной эффективности лишь к стоимостному показателю мчит человечество в пропасть. Дело не в дефиците нефти и иных углеводородов, а в дефиците совести. Критика Марксом антисоциальности капитализма, на наш взгляд, верна и поныне. Ибо производство капитала уродует целостность человека, его универсальность, используя человека не по назначению.

Схема производства «Д – Т – Д'» должна смениться формулой воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: «*продуктивно-творческие силы – их воплощение – прирост и обновление этих*

сил». Сущность человека – это свободная самореализация его творческого потенциала в актах самодеятельности, когда человек испытывает радость и удовольствие от созидательного самоосуществления и от признания своей собственной социальной значимости.

Методологическим принципом устройства новой модели общества, ее философским сопровождением может стать *креативная культурная антропология*. Она исходит из *универсальных* возможностей человеческого рода, проистекающих из *нравственных* основ совместной жизни, из *продуктивно-творческих* сил целостной субъективности человека и из *технологической* мощи, в которой соединяются разумные цели, искусственные органы общественной практики и созидательные силы природы. Органическое сращение технологических и природных ресурсов рождает величественное чувство космизма.

Акцентирование на антропологическом принципе означает соответствие производимых технологических и социальных структур телесным, душевным и духовным измерениям бытия человека, через которые каждый индивидуум преломляет действительность, живет и потребляет богатство собственной субъективности. Окружающая действительность всегда тем или иным своим фрагментом замыкается на субъективность человека и предстает не только как нечто внешнее, но как действительность самого человека, как *человеческая действительность*.

Ориентация на культурную антропологию предполагает наполнение субъективности человека образцами, эталонами, творимыми в культуре.

Креативная культурная антропология, с одной стороны, стимулирует формы общения и общественных отношений, которые просторны для самодеятельности и для полноты проявления жизненных сил индивидуальности, с другой стороны, нацеливает на такое эстетическое оформление предметной среды жизнедеятельности, которое раскрывает творческие потенции человеческой чувственности, воображения, социальных эмоций.

Дело философии и педагогики – не плестись за экономикой, приучающей служить мамоне, а формировать образцы субъективности человека для корректировки не только экономики, но и политики. Рыночная экономика демонстрирует ныне свою ущерб-

ность настолько, что даже ее рьяные представители без особого напряжения ума могут осознать ее бесперспективность. Вот свежие по времени соображения директора НИИ статистики Роскомстата Василия Симчеры: за последние 20 лет в России реализуется убыточная экономика; за олигархами и естественными монополиями, включая Газпром, РЖД и Роснефть, стоят на две трети люди, никакого отношения к России не имеющие, но вложившие сюда свои деньги через подставных лиц. Нынешний курс – «это курс не просто бесперспективный и опасный, но уже попросту несовместимый с существованием нашей страны» [4].

Обозначим возможные направления креативной культурной антропологии.

1. В области культуры следует проектировать образцы человеческой субъектности, вознося на должный пьедестал дух человека, его достоинство и, самое важное, *нравственность* как пропуск в человеческую общность.

2. Система образования призвана стать *креативным антропогенным основанием* общества, воспитывать культурного человека, нравственную личность, творческую индивидуальность, социально и профессионально компетентного гражданина, специалиста и патриота, открытого к живому культурному взаимодействию. Следует взять курс на поэтапную реализацию всеобщего высшего образования [3, с. 126–139]. Разумно предлагать в системе образования *только лучшее* – лучшую литературу, лучшее общение, лучшие идеи, аудитории и т. д. Когда молодые люди усвоят и поймут преимущества *объективно лучшего*, осуществится тот прорыв от унижения к достоинству, от деградации к процветанию, который так необходим современной России.

Педагог заслуживает одного из высших социальных статусов. В маленькой Финляндии, замечает А. Бузгалин, доля расходов на образование в четыре раза выше, чем в России, все школы – государственные, большинство вузов – тоже, повышение квалификации для временно безработных – бесплатное, и «эта страна занимает первое место в мире по развитию инноваций». А. Бузгалин делает вывод: «Вектор XXI века, главный ресурс экономического социального прогресса – наращивание творческого потенциала каждого...» [1]. Заместитель председателя думского Комитета по

образованию и науке Олег Смолин сообщает: в России сейчас меньше 40% бюджетных студентов, в Германии – их более 90%, во Франции – 80% [13]. В 2012 г. количество бюджетных мест в наших вузах подлежит плановому сокращению в два раза.

3. Универсальная природа человека на каждой исторической стадии сталкивается с ограничениями форм общения (общественных отношений). Так, в советском обществе в 70–80-х гг. XX в. назрело острое противоречие между возросшим образовательным и культурным потенциалом граждан и «евнухами идеологии, запрещающими публичное употребление разума», между «накопленным интеллектуальным капиталом» и «суженными возможностями его практического профессионального применения». Те, кто реально производил общественный продукт (рабочие, инженеры, ученые и др.), все более отодвигались от принятия решений и испытывали «дефицит профессиональной самостоятельности» [12, с. 114–116].

Принцип устранения противоречия между искусственными ограничениями и потребностью в открытых коммуникациях, обмене творческими идеями и информацией состоит в нахождении таких форм общественных отношений, регламентаций, социальных норм и т. п., которые открывали бы простор для развертывания человеческой универсальности, креативной деятельности, побуждали личность к свободной самоактуализации, самореализации и самодеятельности. Решение этой задачи – тест для руководителей и коллективов на умение думать самостоятельно, предметно, творчески.

Указанное противоречие не может разрешиться окончательно, так как для каждого исторического этапа существует свое соответствие самодеятельности и общения, нарушаемое всякий раз новыми инициативами, обновленными практиками, которые, в свою очередь, побуждая к самодеятельности большой круг лиц, неминуемо рано или поздно устаревают и отвергаются. Сообщать самодеятельности людей свободные формы – таков общий рецепт. Политика, т. е. социальное конструирование целей и отношений между людьми, должна быть адекватной универсальной природе человека: социальные институты призваны стать органами коллективной воли для развертывания самодеятельности и творческой инициативы отдельных лиц и коллективов.

Формы разрешения противоречия зависят от самого древнего основания, на котором выросла антропогенез и до сих пор держится общежитие людей – от нравственности; т. е. от степени признания других людей и народов как субъектов равноценного достоинства.

4. Основой же обновления общества может быть только *качественное* преобразование содержания труда, его культуросемкость и креативность. Труд имеет разную меру сложности. Простой уровень сложности связан с эмпирической подготовкой работника, который способен изменять лишь внешнюю оболочку предмета, а не его закономерные связи. В таком труде главным являются эмпирические навыки и умения, привязанные к телесно-психическим особенностям работника. Средний уровень сложности свойствен труду, в котором соединяются научное мышление и умелые руки. Такой труд преобразует предмет на основе сознательного использования объективных законов, а субъект этого труда (врач, инженер, летчик и т. п.) имеет теоретическую подготовку. Высший уровень присущ духовному высокоспециализированному труду, квалифицированному К. Марксом как труд *всеобщий* – распремечивающий всеобщие закономерные связи в объекте и опредмечивающий «всеобщие силы человеческой головы» [7, с. 100; 116], которые объективируются в науке и философии, в искусстве и образовании новых поколений [2, с. 534–575]. Всеобщий труд является «напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства ... в виде управляющей всем силой природы» [9, с. 110].

Установление для рабочих эмпирического уровня подготовки и ограничение их «начальным профессиональным образованием» означает резкое увеличение доли простого труда. Следствием этого становятся усиление интеллектуальной неоднородности в структуре совокупного труда и функциональной рассогласованности между простым и высшим его уровнями, блокирование оперативного внедрения инновационных технологий в производстве и управлении, усиление социально-классовых различий до состояния враждебного противостояния, резкое ослабление конкурентной способности России. Более того, работники производят не только вещественный продукт, но и социальные отношения, а люди с начальным

профессиональным образованием способны производить общественное богатство и социальные связи лишь на «начальном» уровне.

5. Прогноз К. Маркса о развитии труда оказался поразительно верным и точным. Наука превращается в производительную силу труда, а труд при этом становится прикладной наукой. Науки же обладают равной сложностью. Однородность труда по степени сложности означает и равную экономическую оценку, поэтому различия в специальностях не должны повлечь за собой различий в социальных привилегиях. Это означает одинаковые «стартовые» возможности культурного развития людей.

Эффективность труда будет зависеть не от величины мускульных усилий работников, а от мощи тех искусственных органов общественной практики (техники), которые созданы при помощи науки. Непосредственное рабочее время перестанет быть мерой богатства, и производству, основанному на меновой стоимости, наступит конец [9, с. 214]. В качестве главной «основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господства над ней в результате его бытия в качестве общественного организма. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место <...> сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» [9, с. 213–214].

Автоматизация общественного производства (ныне впервые технике передана интеллектуальная функция) выключит работников из сферы производства как непосредственных его технологических агентов. Работник встанет над технологическим процессом, «как его контролер и регулировщик». Функцию производства, непосредственного производителя общественного богатства на стадии его материального оформления, будут выполнять технические средства, автоматизированные системы и управляемые самодвижные природные структуры. За работниками эта функция сохранилась в редуцированном виде.

6. Благодаря научному характеру труда сократится рабочее и увеличится свободное время, которое станет «пространством» целостного развития людей – их всеобщих по культурному значению продуктивно-творческих сил в сферах науки, искусства, образования, коммуникаций и др. От прежнего развития средств производства люди перейдут к саморазвитию. Техническая цивилизация, с присущими ей антагонистическими классовыми формами, поднимется на новую историческую ступень – *культуру* (дикость – варварство – цивилизация – культура). Начнется собственная история людей, она придет на смену предыстории, в центре которой было производство средств существования. Техногенное общество превратится в антропогенное, человек уже не будет воссоздаваться в какой-либо одной определенности, а станет создавать себя «во всей своей целостности, ... стремиться оставаться не чем-то окончательно установившимся, а находиться в абсолютном движении становления». Такое движение осуществляется как беспрестанное выхождение за временные границы собственного развития, которые и осознаются как подлежащие преодолению, а не как непреодолимая грань. Прежняя установка жизненного процесса на прибыль («Д – Т – Д'») заменится новой, нацеленной на накопление не капитала, а культуры.

Отпадет прежнее техногенное разделение труда, основанное на трудовых функциях так, что разлагается целостность человека и уродуется индивидуальность, превращаясь в «обрывок» человека (Ф. Шиллер). Труд, преобразуясь в креативно-антропологический, личностно развивающий, не понижающий социокультурный статус человека, в приложение самостоятельности целостного человека к различным предметным областям, не будет деформировать творческий потенциал личности. Смена видов деятельности ради обновления субъективности и духовного роста станет законом для человека.

7. Экономика должна обрести свою истинную цель. Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов» [11, с. 123]. Стоимостные показатели вполне можно использовать иначе – измерять эффективность производства отношением к общественным потребностям, к ценностному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира».

Богатство существует в трех формах – натуральной, стоимостной и субъективно-личностной. В натуральной форме оно выступает как ценности для потребления. Если оценить их в деньгах, то мы получим стоимостную форму богатства, в которой многообразие потребительных ценностей предстает как совершенно однородное по своему качеству и различное только по количеству. Субъективно-личностная же форма определяется теми способностями и конкретными умениями, благодаря которым выращены фрукты, построен дом, произведены компьютеры и т. д. Она и есть продуктивно-творческие силы человека, обретенные им путем деятельного усвоения культуры. Данное богатство не отчуждаемо от человека, оно во все времена было и будет истоком натуральной и стоимостной его (богатства) форм; потребление не уничтожает его, а умножает в общественном масштабе. Оно так же беспредельно, как и стоимостное, но мотив его обретения креативно-антропологический – такой вид богатства универсален, общечеловечен и может стать достоянием для каждого желающего.

Доктор экономических наук, профессор МГУ Александр Бузгагин, размышляя о созидательной мотивации в условиях экономики знаний, справедливо заметил, что «для мира знаний частная собственность устарела». Знания, культурные ценности общедоступны. Кто их собственник? Каждый из нас. «Знания – это такой “пирог”, объем которого становится тем больше, чем больше “едоков” его поглощают. Вот простейший пример: Александр Сергеевич Пушкин “испек” всем нам хорошо известный “пирог” – поэму “Евгений Онегин”. Петр Ильич Чайковский “съел” этот “пирог”, написав удивительно красивую музыку. В результате человечество имеет два “пирога”: и поэму, и оперу... Главные ценности Человека нигде и никогда (ни в Древнем Риме, ни в Советском Союзе, ни в США XXI века) нельзя было купить. Их можно было только обрести. Своим собственным трудом и вдохновением. В открытом диалоге с другими Личностями ... Можно купить учителей и “корочки”, но знания, творческие способности можно обрести только самому. Через труд» [1].

Для мотивации работника в экономике знаний характерно «превращение рационального человека, соизмеряющего свои дела и поступки с критерием денежной выгоды, в человека творческо-

го... Для него утилитарные блага отходят на второй план. А ценности интересной, креативной деятельности, свободное время, отношения солидарности с товарищами по работе выходят на первый». Творчество, как известно, общедоступно. «Почему более половины выпускников аспирантуры американского университета, – задает вопрос А. Бузгалин, – стремятся получить работу ассистента или доцента в колледже, а не менеджера в фирме (где их зарплата могла бы быть в 2–5 раз выше)? Ответ давно известен: у человека, занятого творческой деятельностью, особенно социально востребованной, интересной, денежная мотивация не является главной. Первое место занимает ... сама работа. Плюс отношения солидарности и творческого соперничества (но не рыночной конкуренции) с товарищами по работе. Плюс большой объем свободного времени. Плюс гарантированная занятость». А. Бузгалин заключает: если главной потребностью человека творческого станет сама деятельность, то решится «проблема отказа от пресыщения». Занятому интересной работой «попросту неинтересно гоняться за десятым костюмом или выбирать себе третий автомобиль. Простота передвижения, а не шикарный автомобиль. Уютное жилище, а не огромные апартаменты» [1].

Дело в том, что денежный стимул, оценка трудовой эффективности только в стоимостных показателях имеют свои пределы, за которыми находятся универсальная сущность человека – его свободная самодеятельность, увлеченность, радость от самого творческого процесса обновления общезначимого дела, общественное признание, глубинное духовное общение с единомышленниками при обмене творческим опытом, служение сверхличным идеалам, выводящее за границы уже достигнутого, «ставшего», «отвердевшего» к иным возможностям и смысловым горизонтам – все, что придает личности не формат «цельнокаменной натуры», скроенной раз и навсегда, а ощущение преддверия познания еще непознанного, чувство открытости к новым вариантам понимания, общения и действия. Одним словом, речь идет о вещно-бескорыстной мотивации труда, об увлеченности духовно-культурными поисками в качестве самоцели.

Субъективно-личностная форма богатства есть *абсолютная* форма богатства; оно творится в системе образования, где проек-

тируется и утверждается *образ должного человека* с его универсальными по культурной значимости способностями и конкретными профессиональными умениями.

Натуральная форма богатства доминировала в добуржуазную эпоху, благодаря чему люди не теряли здоровья ума. В буржуазных реалиях на первое место вышла стоимостная форма богатства, и финансовый капитал оседлал «физическую» (производящую) экономику настолько, что единственным критерием успешности стали деньги, и именно финансовый капитал стал диктовать сценарий политических событий в планетарном масштабе. К. Маркс с полным основанием относил финансовый капитал к «сумасшедшей форме богатства». В определенном смысле субъективно-личностная форма его есть возвращение к «натуральному» виду с тем уточнением, что престижным становится не обладание вещами, а продуктивно-творческими силами, на которые всегда имеется спрос. Все остальное, как говорится, приложится – и инновации, и экономика знаний, и опережающее развитие регионов. Предметно-натуральная сторона богатства предстанет в ее человекоемкости и культуроемкости, побуждая к усвоению своего культурно-человеческого содержания и к общению для обмена и взаимообогащения творческой субъективностью.

Реализация описанных перспектив будет возможна, когда первичным станет *социокультурное расширенное производство человека*, полная реализация его универсальной природы, сложившейся в процессе истории, а сфера образования обретет статус группы «А», сместив промышленное производство вещей в группу «Б».

Первичность социокультурного производства людей утвердит в их сознании иное понимание как собственной креативной природы, так и общественного богатства. Изменяются мотивы деятельности и общения, как и параметры общественного престижа.

Задача гуманитарных и социальных наук заключается, в частности, в разработке концепций поэтапной реализации социальной связи в человеческой общности, в которой духовно-ценностные, креативно-антропологические (человекотворческие), субъективные ценности выйдут на первый план общественного внимания и престижа.

Литература

1. Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // Лит. газ. 2008. № 6 (6158). 13–19 февр.
2. Гончаров С. З. Какой труд и какое образование адекватны инновационному обществу? // Ценностные и социокультурные основы воспитания духовности и субъектности личности: сб. науч. ст. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2008.
3. Гончаров С. З. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // Образование и наука. Изв. УрО РАО. 2003, № 2 (20).
4. Круглый стол: И новый Сталин – впереди! // Завтра. 2009. № 53 (841).
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1962.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. М., 1961.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. М., 1968.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2. М., 1974.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. М., 1973.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955.
12. Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006.
13. Платова Г. Мы окажемся в стране недоучек // Сов. Россия. 2008. № 32 (13104). 27 марта.